

778.1(С)

Б 19

БИБЛИОТЕКА КИНОДРАМАТУРГИИ

ГРИГОРИЙ БАКЛАНОВ,
ЮРИЙ БОНДАРЕВ,
ВЛАДИМИР ТЕНДРЯКОВ

49 ДНЕЙ

Киносценарий

Орловбургская областная
БИБЛИОТЕКА им. Н. К. Крупской

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ИСКУССТВО“

Москва 1963

389530-66

С огромной высоты океан кажется неподвижным и тихим. На этом бесконечном просторе глазу не на чем остановиться. И среди водной пустыни, среди застывших волн затерялось микроскопическое суденышко. Оно покачивается в океане.

С высоты мы медленно приближаемся к нему. Постепенно проступают его очертания — полузалитый водой верхний трюм, крошечная палуба, рубка, сломанная мачта, борт, на нем надпись — «Т-42».

Запустение, заброшенность. Крики чаек. Двери рубки распахнуты. Скрипят на поржавевших петлях. Входим в эти двери. Такое же запустение внутри. Крутится штурвал. Молчит рация. Разбросаны вещи. Только они теперь рассказывают обо всем, что было здесь. Холодная печь. Возле нее кирзовые голенища, старые резиновые подошвы. Открыт железный ларь, там со звоном катаются пустые консервные банки. Узенький столик, на нем — судовой журнал. Ветер, врывающийся в открытые двери, листает его страницы.

Ведущий вниз открытый люк. Спускаемся — несколько ступенек. Тесный, очень низкий кубрик. Четыре койки, все они раскрыты, откинута одеяла, чувствуется, что хозяева покинули их поспешно. На одной из коек книга — Джек Лондон «Мартин Иден». На другой — лицом вверх кукла, раскосый разрез нарисованных глаз. В кубрике — крошечная печка. Рядом кусок кранца, остатки гармони — клапаны, проволока; нож с деревянной ручкой, чайник, около него катается бритвенный пластмассовый стаканчик. На одной из коек на одеяле лежат ручные часы с ремешком. Заброшенность, запустение, мертвенная тишина. Сверху приближаемся к этим часам. Ясно виден циферблат, ползущая секундная стрелка. Все слышнее и слышнее тикание часов: «Тик-так, тик-так». Подымаемся вверх от часов. Тикание отдаляется.

Чайка села на палубу. Качнулась с ржавым скрипом дверь рубки. Взлетела чайка. Она летит над океаном. Садится на гребень волны. Волна вздымается с ней вместе, и чайка взлетает опять.

Волна ударила прямо в экран... Отхлынула... Снова ударила и вынесла на крупный план обломок доски. На ней надпись:

ВСЕМ, КТО В ТЯЖЕЛОМ ПУТИ,
ВСЕМ, КТО БОРЕТСЯ С ВЕТРОМ.
ПУСТЬ НЕ ПОКИНУТ ВАС
СРЕДИ ВОЛН МУЖЕСТВО, ВОЛЯ
И ЧЕЛОВЕЧНОСТЬ.

Удар новой волны смывает с экрана предыдущий кадр.

На фоне черных валов взбесившегося океана проступают крупно листы вахтенного журнала. Ветер переворачивает их. Последняя страница. Расплывшиеся от морской воды чернила. Торопливые строки на французском языке. И возникает голос как бы из глубины времен. Потом на французскую речь наслаивается голос русского переводчика:

«...и по последнему счислению три дня назад находились в широте $45^{\circ} 50'$, в долготе $12^{\circ} 25'$ Вост, а остальное время счисление не производилось из-за бури... Никто уже не верит в спасение. Только носовая часть корабля торчит из воды. Полтора человека держатся за якоря и бушприт. Волны срывают одного за другим. А также и сами люди, чтобы крепче держаться, стараются оттолкнуть соседа, и всякий молит лишь о себе...»

Голос пропадает в реве шторма.

Измятый, захватанный листок частного письма сменил на экране страницу вахтенного журнала. И мы слышим вначале испанскую речь, потом голос переводчика:

«... но я никогда не вернусь домой, Терезита, прощай! Велик мой грех перед небесами и перед матерью моей, ибо я покинул в волнах родного брата, хотя он умолял меня, держась за обломок мачты, и призывал бога. Но я спас свою жизнь, а плот был мал, и сухарей почти не было...»

Снова шторм заглушает голос. Из мрака волна выносит прямо к объективу обросшую водорослями бутылку. Сквозь стекло видны свернутые листки бумаги. Разглядываем их

ближе, проникнув взглядом сквозь стекло. Неровные строчки. Английский текст. Потом голос англичанина, и, как всякий раз, на него наслаивается голос переводчика:

«... а так как на шестой день силы наши истощились и души наши были в смятении, то бросили жребий, кого из нас убить в пищу другим. И жребий выпал Маккиноу. Он сам взял заточенный гвоздь, пустил себе кровь в трех местах и стал просить бога об отпущении грехов. И тело его еще было теплым, а Бригауз сказал, что теперь у нас есть пища, и взял...»

Желтый листок рисовой бумаги. Японские иероглифы. Голос:

«...пятнадцать долгих дней и ночей носит нас по океану. Есть еще пресная вода и рыба, но океан вселил нам в души одиночество, разъединил всех, страхом помутил разум. Нас было десять человек на шхуне «Таваси-Мару». Трое ушли к предкам, двое сошли с ума. Команда перестала подчиняться. Один я, Окамото из Такогамы, нахожусь в здравом рассудке. Смерть уже не страшна мне. Единственная моя надежда — может быть, эти строки дойдут до людей...»

Наплывом листок с иероглифами сменяет страница японской газеты, а голос продолжает:

«...страшна судьба бедствующих в океане, ибо нет в несчастье ни друзей, ни веры, ни воли. В ожидании смерти каждый забывает о ближнем, и тогда он погиб, не от голода и жажды, а от одиночества среди волн...»

Сквозь все эти кадры, от первого до последнего, из глубины экрана на первый план, время от времени вспыхивая, бегут цифры:

1780... 1820... 1860... 1903... 1910... 1930...

И на фоне сменяющих друг друга газетных полос появляются название фильма и вступительные титры.

Угрюмые скалы, покрытые снегом. Тяжелые волны разбиваются о камни. Океан волнуется. Суровый берег, темная вода, скупое солнце и простор без конца и края. Чем выше поднимаешься, тем шире бескрайний движущийся океанский простор, ощущение глубины, силы, дикости.

Когда от этого простора взгляд переходит на бухту, кажутся крошечными суда, стоящие в ней,— баржи, буксиры, катера. Среди них у «бочки» — одна из барж, самая неприметная.

Борт баржи, на нем номер — 42. Возле борта ящик, на нем тоже номер 42. Борт вместе с ящиком вздымается и опускается над горизонтом. Ящик плохо закреплен. Новая волна подбрасывает баржу. Ящик падает, по палубе рассыпается уголь.

Сержант Рахматуллин, стоящий на палубе, оборачивается. Лицо молодое, строгое. Шагает к углю, потом, расставив ноги, отворачивает рукав шинели, смотрит на люк в кубрик, ждет. Оттуда доносятся звуки гармошки.

В жилом отделении баржи двое солдат: Фомин и Подгорный. Подгорный орудует шваброй, моет пол. Фомин, одетый празднич-

но, сидит как гость на чистом месте, поджав под койку ноги в блестящих хромовых сапогах, играет на гармошке «Край земли скалистой...». Зажатый книгами флакончик одеколona на тумбочке, мокрая кисточка для бритья.

Подгорный глянул снизу на Фомина:

— А если дочка?

Некоторое время Фомин наигрывает на гармонии. На лице — сознание превосходства:

— У таких, как я, сыновья рождаются.

Подгорный про себя усмехнулся. Он делает свое дело с сосредоточенным, хозяйственным видом. У него простоватое лицо, сохранившее детское наивное выражение, округлые щеки, пухлые губы. Швабра двигается по полу, задевает за начищенный сапог Фомина. Фомин оборвал игру, посмотрел на сапог, на Подгорного, не спеша освободил плечо от ремня:

— Выношу благодарность.

Положил гармонь, вынул из заднего кармана брюк бархотку, с усмешкой смахнул с сапога грязь, старательно спрятал бархотку, расправил складки гимнастерки за поясом — высокий, статный, щеголеватый. Потянувшись, достал шинель.

Сверху из люка в кубрик высовывается запачканная мазутом худенькая физиономия Бойкова — глядит на одевающегося солдата:

— Коля на берег?.. Там письмо мне должно быть. Захватишь, ладно? Мать беспокоилась, что не пишу.

— Захватим.

Подгорный, выжимающий над ведром тряпку, оглядывается, протяжно говорит:

— Сидишь, як засватанный... Иди. Батько!

Рассыпанный уголь на палубе. Рахматуллин в который уже раз глядит на часы. Из рубки выходит подтянутый Фомин, на лице прежнее выражение самоуверенной праздничности. За ним Подгорный с ведром, Бойков. Рахматуллин, не поворачивая головы:

— Рядовой Фомин!

— До утра, Закир.

— Отставить. Я тебе не Закир.— И указывает на свалившийся ящик, рассыпанный уголь.— Это порядок?

— Эх, черт, ведь закреплял... Ребята приберут, младший сержант.

Младший сержант Рахматуллин меряет строгим взглядом Фомина — от начищенных сапог до шапки,— говорит:

— Сапоги порядок, в душе непорядок. Не пойдешь на берег.

Фомин мрачнеет, отвечает приглушенно:

— А ты душу мою знаешь?

Подгорный и Бойков смущенно переминаются, молчат виновато. Рахматуллин строго оглядывает их, кивает на Подгорного:

— Переодевайся. Ты пойдешь на берег. В санчасть не забудь зайти. Шилова навести.— Делает шаг к рубке, оглядывается на Фомина, приказывает:— Прибрать. Как положено!

Рахматуллин поворачивается и идет к рубке. За ним Бойков, смущенно заступается:

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

Размещение полного текста данного произведения невозможно в связи с ограничениями по IV части ГК РФ.

Эту книгу вы можете почитать в
Оренбургской областной универсальной
научной библиотеке им. Н.К. Крупской
по адресу: г. Оренбург, ул. Советская, 20
тел.: для справок: (3532) 77-92-66